

31 января 2003 г. «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» 11

ФЕСТИВАЛЬ

ГЕННАДИЙ АБРАМЕНКО

СИБИРСКИЕ СТРАДАНИЯ ПЬЕРА РИШАРА

Высокий блондин в меховом сапоге, шапке и варежках

Главной звездой проходящего в Ханты-Мансийске кинофестиваля «Дух огня» был Пьер Ришар. Был — потому что вчера он улетел в Москву. Звездой — потому что только настоящую звезду журналисты могут с таким азартом рвать на части, преследовать на банкетах и прогулках. И только у звезды может быть такая красивая и капризная жена.

Первый для Ханты-Мансийска кинофестиваль такого уровня местные власти оберегают как любимого ребенка. Чистят улицы, завешивают гирляндами высоченные таежные сосны, выставляют печальных оленей перед кинозалом и строят самые настоящие потемкинские деревни. Этот сибирский город, где морозы не так страшны, как их малюют, похож на Лас-Вегас, только без казино и толп туристов. Впрочем, после того как по его улицам ходил — вернее, ездил — сам Пьер Ришар, туристы должны повалить к святым местам. А уж оленей, на которых катались французские звезды — Сибирь посетила еще и французская «Анжелика» Мишель Мерсье, — все наверняка будут обме-

нивать на нефтяные вышки. Но если мадам Мерсье утомлена непривычными морозами, обилием снега и внимания и почти не появляется на публике, то месье Ришару повезло гораздо меньше. Он оказался в плотном окружении местной власти и журналистов. Катание на оленях и собаках — лишь самая маленькая неприятность, которая могла с ним произойти. Это понимала молодая жена Ришара, когда категорически отказалась садиться в сани, запряженные оленями. Месье Пьер в это время отвечал на вопросы «МК».

— Месье Ришар, говорят, вы очень застенчивы и часто не знаете, как вести себя на светских раутах...

— Да, это отчасти правда. Я с трудом вхожу в праздник, меня это пугает. Правда, через некоторое время я акклиматизируюсь, но уже через сорок минут готов бежать оттуда.

— В своем спектакле «Страсти Пьера Ришара» вы говорили, что покажете зрителю все, что вы любите и чего боитесь. Так что это такое?

— Мне очень близки знаменитые комики мирового кино — в первую очередь Чарли Чаплин, — люди, которые входят в мою внутреннюю вселенную, давшие мне желание делать кино. Я говорил о Чехове и Достоевском или о Тургеневе, потому что это те авторы, за чтением которых я провел немало времени в молодости. Я говорил о вещах, которые я люблю. И о том, чего я боюсь. На самом деле не так много — там был смешной скетч о дантисте, — но этого бояться все.

— Вы когда-то говорили о том, что у вас есть планы работать с Михалковым, что вы хотели бы сыграть Шарикова в «Собачем сердце»...

— На самом деле все немножко не так. Правда то, что я очень хорошо знаю Никиту, отношусь к нему с большим восхищением и испытываю глубокую привязанность. Но, к сожалению, он мне никогда не предлагал сниматься ни в одном из своих фильмов. Я очень об этом сожалею, но это так... Однажды я сказал, что хотел бы сыграть Шарикова в «Собачем сердце», но тогда больше думал о театре, а не о кино. И, конечно, я хотел бы сыграть его в Париже. У меня есть роман Булгакова в библиотеке, и если когда-нибудь появится возможность сделать хорошую адаптацию, я бы с удовольствием сыграл эту роль.

Маша ДАВТЯН.